

Гісторыя і археалогія

УДК 940.5:34

Е.А. Гребень

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ СУДОПРОИЗВОДСТВА В ПЕРИОД НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО ОКРУГА БЕЛАРУСЬ)

Судопроизводство являлось одним из важнейших элементов нацистского оккупационного режима в Беларуси. До настоящего времени данный аспект остается малоизученным в отечественной историографии. Целью статьи является реконструкция механизма функционирования судебной системы на примере одной из крупнейших территориально-административных единиц периода нацистской оккупации – генерального округа Беларусь. Отмечено, что создание в рамках коллаборационной администрации судов стало результатом нехватки чиновников немецкой администрации в генеральном округе Беларусь. На протяжении оккупации полномочия местных судов были расширены за счет передачи в их компетенцию криминальных дел, что давало возможность переложить ответственность за принятие непопулярных решений, наказаний на представителей местного населения, привлеченных к судопроизводству.

Ключевые слова: нацистская оккупация, судебная система, Беларусь

Введение. Элементом нацистского оккупационного режима в Беларуси стало судопроизводство. Функционирование судов в условиях оккупации частично нашло отражение в работах отечественных и зарубежных исследователей. В частности, исследованы порядок судопроизводства и основные виды судебных исков на примере различных территориально-административных единиц на территории тыловой зоны группы армий «Центр» [1–3]. Немецкий исследователь Б. Кьяри отразил повседневность судопроизводства в Беларуси [4]. В то же время имеется значительный массив документов, иллюстрирующий позицию руководства генерального округа Беларусь относительно порядка судопроизводства. Целью статьи является реконструкция регламентации судопроизводства на примере одной из крупнейших территориально-административных единиц периода нацистской оккупации – генерального округа Беларусь.

Основная часть. В генеральном округе Беларусь судопроизводство было упорядочено весной 1942 г. Отдел юстиции генерального комиссариата Беларуси разрешил мировым судам руководствоваться Гражданским процессуальным кодексом БССР с определенными изменениями. В отдельных случаях допускалось также применение российского дореволюционного права, если оно не противоречило национал-социалистической идеологии. Названия «народный суд» и «верховный суд» заменялись на «мировой суд» и «окружной суд» соответственно. Последним переходили аналогичные компетенции советских судов. Суды должны были руководствоваться принципами «добросовестности, чести и справедливости». В судопроизводстве допускалось использование только белорусского языка. В то же время, если свидетели и эксперты не владели белорусским языком, суд мог привлечь переводчика, услуги которого оплачивались теми, кому они были необходимы.

В компетенции мировых судов находились имущественные иски стоимостью до 10 000 руб., дела о разделе имущества стоимостью не более 50 000 руб., дела об алиментах, о нарушении права собственности. Остальные дела подлежали компетенции окружных судов,

Гребень Евгений Александрович, канд. ист. наук, доц., зав. каф. философии и истории БГАУ (Минск, Беларусь).

Адрес для корреспонденции: пр. Независимости, 99, 220023, г. Минск, Беларусь; e-mail: greben.evgenij@gmail.com

в том числе дела о возмещении ущерба, нанесенного гражданам органами власти [5, л. 5, 5 об.]. Размер госпошлины с каждого искового заявления составлял 3 % от суммы иска, апелляция оплачивалась в половинном размере от ставки искового заявления. С дел неимущественного характера взималась единая госпошлина в размере 15 руб., с дел об утверждении завещаний и разделе имущества – 50 руб., с дел о праве владения – 25 руб., выдача документов различного рода стоила 10 руб. От уплаты госпошлины могли освобождаться бедные граждане, предоставившие подтверждающие документы. В то же время освобождение от госпошлины не освобождало от оплаты судебных издержек, в случае если сторона признавалась судом проигравшей [5, л. 5 об.]. Если гражданин отказывался от дачи показаний, суд мог приговорить его к штрафу или к заключению до 7-ми дней [5, л. 6].

В случае если в судебном порядке выдвигались претензии, при установлении суммы иска, суды должны были руководствоваться официальными, а не рыночными ценами (последнее уже имело место в судебной практике). Исключение составляли случаи, когда украденная вещь была продана на черном рынке, тогда ответчик должен был возместить истцу полученную сумму. По мнению немецких властей, этот принцип должен был предотвращать стремление некоторых граждан наживаться, продавая краденые вещи по рыночным ценам, и компенсировать владельцам их стоимость по государственному ценам. Рекомендовалось также присуждать компенсацию имуществом, а не деньгами [6, л. 23].

1 мая 1943 г. вступили в силу Правила для временного регулирования гражданского, семейного и наследственного права в генеральном округе Беларусь. В документе отмечалось, что гражданское право Советского Союза потеряло силу, и для поддержания порядка среди местного населения важнейшие правовые отношения должны быть упорядочены. Впредь до отмены Правил предлагалось руководствоваться следующими правовыми нормами. В разделе 1 (гражданское право) определялось понятие несовершеннолетнего лица, обстоятельства, при которых граждане могли быть признаны недееспособными (несовершеннолетие, лишение свободы, психические заболевания). Далее, определялся порядок, при котором мировой суд мог признать гражданина умершим (отсутствие сведений о человеке на протяжении 10 лет; дата смерти определялась судом по истечении 5-ти лет отсутствия). В разделе 2 «Семейное право» определялся порядок содержания иждивенцев. Содержать их были обязаны супруги, родители, дети, внуки, правнуки. Отцы в первую очередь должны были содержать внебрачных детей наравне с их матерями, тогда как внебрачные дети не обязаны были содержать отцов.

Законными детьми считались дети, рожденные в браке или зачатые за 302 дня до развода. Внебрачный статус ребенка определялся решением суда. Иск о признании ребенка внебрачным мог быть внесен только мужем в течение года после рождения ребенка. Решением мирового суда родители могли быть лишены родительских прав, если этого требовали интересы ребенка. Опекунство над ребенком после развода возлагалось судом на того из родителей, который, по мнению суда, по своим качествам более соответствовал на роль опекуна.

В разделе 3 оговаривались понятие и статус внебрачных детей. Последние носили фамилию матери даже после ее выхода замуж. Супруг с согласия коллаборационной администрации мог дать свою фамилию усыновленному ребенку. Отец ребенка был обязан возместить расходы на роды. Отцом внебрачного ребенка считался мужчина, имевший половую связь с женщиной в период от 181 до 302 дней до рождения ребенка. Если же в этот период женщина вступала в половые сношения с несколькими мужчинами и вообще вела распутный образ жизни, отцом ребенка считался мужчина, признавший отцовство.

В 4–5-м разделах определялся порядок установления опеки и кураторства. Над несовершеннолетними опека устанавливалась, если они лишились обоих родителей, над совершеннолетними – в случае их недееспособности. Опекуны назначались, отзывались и контролировались мировыми судьями, которые могли штрафовать их на сумму до 1000 руб. за невыполнение своих обязанностей. Опекуны могли получать годовое вознаграждение в размере 3 % стоимости опекаемого имущества. Совершеннолетние, не находящиеся под опекой, в случае физической или психической немощи, могли получать куратора, правовой статус которых был аналогичен опекунскому.

Наследниками считались лица, упомянутые в последней воле умершего. Если таковых не было, порядок наследования определялся по закону. Законными наследниками первой очереди являлись дети (включая зачатых до смерти и исключая внебрачных детей мужчины), наследовавшие имущество в равных долях, второй очереди – родители, братья и сестры, третьей – деды. Переживший супруг получал $\frac{1}{4}$ имущества при наличии детей, а при наличии наследников второй и третьей очереди – $\frac{1}{3}$ имущества. Завещание могло заверяться мировым судом, нотариусом, письменным свидетельством гражданина. К наследственным обязательствам относились долги умершего и расходы на погребение. Наследник был обязан в течение 30 дней обеспечивать членов семьи умершего и разрешать им пользоваться помещением и предметами обихода. Лицо, хранившее завещание, было обязано предоставить его мировому судье под угрозой штрафа до 1000 руб. Мировой судья безотлагательно извещал наследников и был обязан выдать свидетельство на наследство [6, л. 25–28].

В то же время, несмотря на, казалось бы, детальную регламентацию судопроизводства, в судебной практике возникали случаи, требовавшие, по мнению судей, разъяснения. Так, 07.08.1942 г. мировой судья обратился к начальнику Мядельского района по вопросу как поступать с национализированной большевиками собственностью. Судья отмечал, что мировой суд руководствуется в своей деятельности принципами добросовестности и справедливости, однако неясно, какие существуют распоряжения немецких властей по вопросу собственности граждан, отсутствующих в настоящее время или вывезенных советской властью. Судья интересовался также проблемой назначения кураторов над имуществом [7, л. 102, 102 об.].

Спорные вопросы судопроизводства разъяснялись отделом юстиции генерального комиссариата Беларуси. На поступивший из Глубокского гебитскомиссариата вопрос относительно крестьянского землевладения отдел юстиции дал следующие разъяснения. В случае если крестьянское хозяйство передавалось немецкими властями другому лицу для обработки, крестьяне не имели права обращаться с исками о возврате земли в мировые суды, а должны были апеллировать непосредственно к гебитскомиссару. В то же время в компетенцию мировых судов входило регулирование споров о границах земельных участков, аренде и наследовании подворных земельных участков. Наделение мировых судов этими полномочиями, по мнению немецких властей, должно было разгрузить немецкую администрацию и содействовать укреплению уважения к собственности [5, л. 15].

Отдел юстиции рекомендовал также выносить решения о компенсации судебных исков по долгам граждан деньгами или продуктами в зависимости от того, что было взято в долг. В случае если выплаты изначально носили денежный характер (например, иски об алиментах), требовалось утверждать именно денежные выплаты независимо от желания ответчика выплачивать истцу продуктами. Не принимался во внимание и тот факт, что в результате таких решений дети не получают дефицитные продукты, которые могли продаваться на рынке по спекулятивным ценам. Подобный запрет объяснялся стремлением оккупационных властей не допустить срыва крестьянами обязательных натуральных поставок. Решение о выплате продуктами могло приниматься только с санкции отдела продовольствия и сельского хозяйства генерального комиссариата Беларуси [5, л. 16].

По вопросу о фамилиях женщин после развода отдел юстиции сообщал судам, что разведенные женщины обычно сохраняют фамилию мужа, но нет препятствий для использования ими одновременно и девичьей фамилии (двойная фамилия. – *Е.Г.*). Исключение делалось лишь в случаях, когда происходил развод с супругом-евреем, после чего женщина возвращала себе девичью фамилию [6, л. 15].

Относительно порядка развода генеральный комиссар Беларуси дал судам следующие указания. Супруги могли добиваться развода, если при заключении брака они не были осведомлены о каких-либо фактах относительно своих будущих супругов, знание которых могло бы стать препятствием для заключения брака, а также, если брак был заключен под принуждением. Брак мог также расторгаться в том случае, если об одном из супругов

не было вестей на протяжении трех лет. Если после развода выяснялось, что супруг, считавшийся умершим, жив, а другой супруг вступил в новый брак, то развод оставался в силе.

Решение о разводе принимали мировые суды, апелляции рассматривались окружными судами. После развода женщины имели право на получение алиментов; мировой суд также определял, кто из родителей станет опекуном. Родители, которые не получили право опеки, имели право встречи с детьми. Решение суда об опеке или встрече с детьми могло быть пересмотрено в интересах детей. На граждан немецкой национальности данный порядок разводов не распространялся. Супруг не еврейского происхождения имел право развода с супругом-евреем. Браки и разводы, осуществленные до 07.12.1941 г., признавались действительными, если они были совершены в соответствии с советским правом [6, л. 13, 14].

Отдельно регулировался порядок компенсации ущерба на территории генерального округа Беларуси. Не подлежал компенсации ущерб, причиненный в порядке самообороны, если не были превышены границы необходимой обороны. Не отвечали за причиненный ущерб дети и подростки в возрасте от 7 до 18 лет, за исключением случаев, когда они осознавали наносимый своими действиями ущерб. Это же касалось глухонемых граждан. Не подлежал компенсации ущерб, нанесенный в бессознательном состоянии, но если человек довел себя до такого состояния, например, злоупотребил спиртным, ответственность предусматривалась, за исключением случаев, когда гражданин был доведен до такого состояния не по своей воле. Ответственность возлагалась на соучастников противоправных действий, на родителей или опекунов детей. Компенсация ущерба предусматривалась в виде восстановления состояния пострадавшего имущества, если это было не возможно, разрешалась компенсация деньгами. Граждане, получившие телесные повреждения, имели право на денежную компенсацию. Это же касалось и женщин, хитростью или силой принужденных к половой связи. Если причиной смерти человека послужило животное, владелец или надзирающее за животным лицо выплачивали компенсацию. Если смерть или телесные повреждения были вызваны в результате небрежного содержания постройки, отвечал ее владелец, так же как и владелец автомобиля. Компенсировалась также стоимость похорон или лечения пострадавшего. Если ущерб причинили несколько граждан, они отвечали как равно виновные [6, л. 12–13 об.].

В апреле 1943 г. компетенции мировых судов генерального округа Беларусь были расширены. Опыт рассмотрения судами криминальных дел был расценен как удачный и для дальнейшего высвобождения немецких сотрудников от обязанностей, которые могли бы выполняться местными чиновниками, генеральный комиссар Беларуси 27.10.1943 г. распорядился передать в компетенцию мировых судов дела, связанные с нарушением норм немецкого криминального кодекса. Для разгрузки жандармерии в мировые суды передавались следственные материалы из полиции, перевод этих материалов на немецкий язык не требовался. В компетенцию мировых судов передавались дела, связанные с нарушением порядка эксплуатации лесов и сельскохозяйственных угодий. Мировые судьи могли теперь выступать в качестве референтов гебитскомиссариатов. В результате в компетенции немецкой администрации оставались только особо тяжкие криминальные преступления. Наделение судов дополнительными полномочиями объяснялось также желанием возложить ответственность за поддержание порядка и принятие непопулярных решений о наложении взысканий на самих местных жителей [6, л. 89–90].

Президент окружного суда в Барановичах 22.10.1943 г. довел до сведения мировых судей и адвокатов, что нельзя исключать свидетельские показания родственников. Оценка правдивости таких свидетельств возлагалась на суд. Сообщалось также об отмене традиционного наследственного права для крестьян, для чего предусматривался опрос местных жителей на предмет существования определенных норм наследственных традиций. Правилами для временного регулирования гражданского, семейного и наследственного права в генеральном округе от 01.05.1943 г. изменялся порядок опеки над несовершеннолетними, а именно, практика семейных советов для решения вопросов опеки [6, л. 92].

В сентябре 1943 г. президент Барановичского окружного суда в письме к мировым судьям и адвокатам констатировал, что, несмотря на неоднократные указания генерального комиссара

Беларуси, встречаются случаи ссылок на бывшее советское законодательство в процессуальных листах и судебных решениях, и что некоторые мировые суды до сего времени используют терминологию, предусмотренную Процессуальным кодексом БССР. От судей и адвокатов требовалось впредь руководствоваться Уставами гражданского судопроизводства 1864 г. и директивами генерального комиссара Беларуси [6, л. 71].

Согласно инструкции генерального комиссара Беларуси от 21.09.1943 г., опекунам предписывалось размещать деньги, которые не использовались для содержания опекаемого, в Общественном банке Беларуси, который характеризовался как «надежное финансовое учреждение», обладавшее 30-ю отделениями по всему генеральному округу. Суды должны были проследить за помещением опекаемых средств в данное финансовое учреждение [8, л. 3].

Наделение мировых судов дополнительными полномочиями вынудило администрацию генерального округа Беларусь дополнительно проинструктировать суды относительно принятия решений. Приводились типичные примеры уголовных дел и определения по ним немецких судов, которые должны были быть взяты за образец белорусскими судами.

Первую группу примеров составляли случаи самогонварения. Осужденный в сентябре–октябре 1943 г. житель Минска трижды гнал самогон, нарушив распоряжение о спиртной монополии на занятых восточных территориях от 03.12.1942 г. Нарушитель был наказан 500-ми марками штрафа и 6-месячным тюремным заключением. Во втором случае фигурировал гражданин, гнавший самогон в Минске в 1943 г.; как нарушитель монопольного законодательства был наказан штрафом в 300 марок и 6-месячным заключением. Вторая группа примеров была связана с незаконным убоем скота. В первом случае фигурировал гражданин, который произвел без разрешения гебитскомиссара убой двух овец, мясо которых хотел продать без прохождения санитарного контроля. Нарушитель был приговорен к месяцу тюремного заключения, мясо конфисковано. Во втором случае, аналогичном предыдущему, фигурировал гражданин, произведший самовольный убой свиньи и продавший без санитарного контроля 2 кг мяса по завышенной цене в 20 марок за килограмм. Здесь имело место нарушение правил убоя, санитарного контроля и порядка торговли. Нарушитель был наказан штрафом в 150 марок и 15-дневным тюремным заключением. Следующие несколько примеров иллюстрировали наказание за кражу. В первом случае гражданин пытался украсть военные ботинки и был осужден на 2 месяца тюрьмы. Во втором случае обвиняемые пытались украсть дрова, принадлежавшие СД, используя для этого служебную автомашину. Два нарушителя были осуждены на 4 месяца и 2 недели тюремного заключения соответственно. Еще один гражданин на работе пробовал украсть со склада пару ботинок, и был приговорен к месяцу тюрьмы. Осужденный 06.11.1943 г. в Минске пытался украсть мешок муки со склада; наказание составило 9 месяцев тюрьмы с учетом времени заключения под следствием. За попытку воровства со склада ПВО в Барановичах пары ботинок два гражданина 02.10.1943 г. были приговорены к 3-м месяцам исправительных лагерей с учетом заключения во время следствия. Еще один осужденный в начале августа 1943 г. украл шерстяное одеяло из рабочего барака при мастерских и обменял его на продукты, за что был приговорен к 4-м месяцам тюрьмы с учетом ареста на время следствия. Гражданин, укравший 08.08.1943 г. в Минске с места работы свыше 40 кг ячменя и 7–8 кг соли, был приговорен к 5 месяцам тюрьмы с учетом предварительного ареста. В последнем примере гражданин 30.08.1943 г. во время работы в жилищном отделе генерального комиссариата Беларуси украл 5 пар обуви, а другой гражданин принял на хранение 2 пары обуви, зная, что они краденые. Оба были приговорены к 6-ти месяцам тюремного заключения [8, л. 26–29].

Генеральный комиссар Беларуси 18.08.1943 г. довел до сведения мировых судов виды наказаний должников за различные проступки. Так, штрафом до 150 марок и 6-недельным арестом или одним из этих наказаний карался тот, кто игрой, пьянством или тунеядством допускал ситуацию, когда для его содержания или обеспечения лиц, находящихся на его иждивении, необходима была помощь властей. Так же карались и лица, которые уклонялись от обязанности содержать иждивенцев. За дачу ложных сведений под присягой

перед судом или другим учреждением, компетентным для допроса свидетелей или экспертов, полагалось тюремное заключение не менее трех месяцев. Однако судья имел полномочия уменьшить или отменить наказание, если гражданин солгал под присягой, чтобы отвратить от себя и своих близких наказание, если он был младше 16-ти лет или своевременно исправил данные ложные показания [6, л. 59, 60].

На основании обращения Барановичского гебитскомиссара генеральный комиссар Беларуси 04.11.1943 г. дал разъяснения относительно порядка наследования крестьянских хозяйств при наличии нескольких наследников. Оккупационные власти настаивали на сохранении целостности крестьянского хозяйства, что было отмечено в распоряжении генерального комиссара 03.10.1942 г. [6, л. 53–55]. В результате наследники не получали причитающейся им доли наследства. Совместное владение хозяйством часто приводило к конфликтам, разбирать которые приходилось крайсландвиртам и мировым судам, а разделы хозяйства, вопреки запрету, все же производились внесудебным порядком. В случае наличия нескольких наследников крайсландвирты должны были предлагать мировым судам назначать администратора над наследством, который отвечал бы за сдачу сельскохозяйственного налога и обработку земли. Оставшееся после сдачи контингента зерно (за вычетом семенного фонда), скот, молоко должны были распределяться между наследниками пропорционально их доли в наследстве. Размер вознаграждения администратора и возможные споры наследников определял суд. Такой порядок избавлял немцев от необходимости решения спорных вопросов, связанных с наследованием крестьянских хозяйств [8, л. 6–8].

С одной стороны, суд мог рассматриваться как последняя инстанция в поисках справедливости, как инструмент достижения определенных целей, судебные иски были многочисленны. С другой стороны, для некоторой части общества суд вызывал неуважения, что приводило к игнорированию суда гражданами, вызываемыми в качестве свидетелей, ответчиков, а порой и истцов. Например, мировой судья Логойского района 03.02.1943 г. рассмотрел причины неявки в суд гражданина, вызванного в качестве свидетеля, который, будучи предупрежденным об ответственности, заявил, что не уважает суд. Гражданин был оштрафован на 45 марок [9, л. 83].

В генеральном округе Беларуси допускалась адвокатская практика и институт судебных советников, деятельность которых была санкционирована министром занятых восточных территорий А. Розенбергом и генеральным комиссаром Беларуси с ноября 1943 г. Данные представители судебной системы официально именовались «Беларускі адвакат» и «Беларускі праўны дарадчык» и могли оказывать услуги только местному населению. К адвокатской практике допускались лица, которые по своему образованию, личным качествам и политической ориентации могли служить интересам немецкой оккупационной администрации. Адвокаты и советники должны были постоянно проживать в данной местности и иметь помещение для работы, снабженные соответствующими вывесками на немецком и белорусском языках. Адвокаты должны были действовать в соответствии с законом, сохранять в тайне информацию о своем клиенте, которая могла быть нарушена только по постановлению суда. Деятельность адвокатов осуществлялась под надзором генерального комиссара, нарушения карались предупреждением, выговором, денежным штрафом до 1000 марок или лишением лицензии. До решения генерального комиссара гебитскомиссары могли приостановить действие лицензии адвоката. Адвокаты могли выступать во всех местных судах, а также в немецких судах, если в них рассматривались дела местных граждан. За свою деятельность адвокат получал гонорар, размер которого зависел от сложности рассматриваемого дела и материального положения клиента; разрешалось получение аванса. После урегулирования дела адвокат предоставлял клиенту счет в письменном виде. В случае отказа оплатить счет спорная ситуация могла быть урегулирована в судебном порядке. В случае если адвокат своими действиями нанес ущерб клиенту, он был обязан возместить ущерб.

При необходимости гебитскомиссары могли разрешить деятельность юридических советников для одного или нескольких районов, находившихся в компетенции одного мирового

суда или на территории нескольких мировых судов. В компетенцию юридических советников входило оказание консультаций местным жителям, они также могли выступать в мировом суде. Если в качестве адвоката или юридического советника выступало лицо, не имевшее для этого соответствующего разрешения гебитскомиссара, оно каралось штрафом до 1000 марок и тюремным заключением до 6 месяцев или одним из этих наказаний [10, л. 151, 152].

Заключение. Таким образом, в результате нехватки чиновников в немецкой администрации и не знанием последними местных реалий в генеральном округе Беларусь были созданы мировые и окружные суды. На протяжении оккупации полномочия местных судов были расширены за счет передачи в их компетенцию криминальных дел, что давало возможность переложить ответственность за принятие непопулярных решений и наложение наказаний на представителей местного населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Беляев, А.В.* Полицейские и судебные полномочия местной администрации в Беларуси в годы немецко-фашистской оккупации (1941–1944 гг.) / А.В. Беляев // Германский и славянский миры: взаимовлияние, конфликты, диалог культур (история, уроки, опыт, современность) : материалы Междунар. науч.-теоретич. конф., 6–8 дек. 2001 г. – Витебск : Изд-во ВГУ им. П.М. Машерова, 2001. – С. 159–163.
2. *Гребень, Е.А.* Судебная система на Лепельщине в годы нацистской оккупации (1942–1944 гг.) / Е.А. Гребень // III Лепельскія чытанні : матэрыялы навук.-практ. канф., 10 кастр. 2008 г. – Лепель : Лепельскі раённы краязнаўчы музей, 2008. – С. 88–93.
3. *Гребень, Е.А.* Судебная система в Беларуси в период нацистской оккупации / Е.А. Гребень // Россия в Отечественных войнах. Четвертые Всероссийские историко-краеведческие чтения памяти профессора П.Е. Матвиевского, 5–6 апр. 2012 г. : сб. ст. / редкол.: В.Я. Ефремов [и др.] ; отв. ред. Р.Р. Хисамутдинова ; Мин-во образования и науки Рос. Федерации, ФГБОУ ВПО «Оренб. гос. пед. ун-т» ; Мин-во образования Оренбургской области. – Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2012. – С. 67–70.
4. *К'яры, Б.* Штодзённасць за лініяй фронту : акупацыя, калабарацыя і супраціў у Беларусі (1941–1944 гг.) / Б. К'яры ; пер. з ням. Л. Баршчэўскага ; навук. рэд. Г. Сагановіч. – Мінск, 2005. – 390 с.
5. Государственный архив Брестской области. – Фонд 2152. – Оп. 1. – Д. 1. Циркуляры и распоряжения генерального комиссара Беларуси, Минского окружного суда о правильности ведения судебного делопроизводства и переписка с Пинским окружным судом по этим вопросам.
6. Государственный архив Брестской области. – Фонд 2152. – Оп. 1. – Д. 4. Циркуляры и распоряжения генерального комиссара Беларуси, Барановичского окружного суда и других о правилах ведения судебного делопроизводства.
7. Государственный архив Минской области. – Фонд 4223. – Оп. 1. – Д. 13. Переписка с Вилейским окружным комиссариатом и волостными управами.
8. Государственный архив Брестской области. – Фонд 2152. – Оп. 1. – Д. 6. Циркуляры и распоряжения генерального комиссара Беларуси, Барановичского окружного суда и других о правилах ведения судебного делопроизводства.
9. Государственный архив Минской области. – Фонд 1039. – Оп. 1. – Д. 16. Ведомости на выдачу заработной платы сотрудникам районной управы и ее отделов, учителям школ Логойского района, работникам больницы и волостных управлений за 1942–1944.
10. Государственный архив Гродненской области. – Фонд 771. – Оп. 1. – Д. 101. Распоряжения и приказы о порядке удерживания с граждан налогов и переписка районной управы с волостями по хозяйственным вопросам.

Поступила в редакцию 31.12.13.

Legal procedure is one of the most important elements of Nazi occupation regime in Belarus. So far, this aspect remains poorly studied in the national historiography. The aim of the research is to reconstruction of the mechanism of functioning of the judicial system for example, one of the largest territorial and administrative units of the Nazi occupation period such as General District Belarus. The author notes that the establishment within collaborative court administration was the result of the lack of German authority in the administration of the General District of Belarus. During the occupation of the power of the local courts has been enhanced by transferring to their competence of criminal cases that made it possible to delegate the responsibility for making unpopular decisions, punishments of members of the local population involved in the proceedings.

Keywords: Nazi occupation, judiciary, Belarus.